

Елена Невзорова-Кмеч

 <https://orcid.org/0000-0002-4032-1533>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny, Instytut Rusycystyki

90-236 Łódź, ul. Pomorska 171/173

elena.nevzorova@uni.lodz.pl

Криминальные истории Людвика Курнатовского как источник жаргона

Crime Stories by L. Kurnatowski as a Source of Jargon

Резюме

Статья посвящена описанию избранных элементов языка криминальных историй, созданных Л. Курнатовским, работающим в начале XX века в качестве следователя. Обращение к теме было вызвано интересом к персоне автора, а также загадкой существования некой работы его авторства. Ссылки на данную работу находятся в словаре «Блатной музыки» В. Людвиковского и Г. Вальчака и труде по жаргону В. Будзишевской. Произведя анализ текстов произведений Л. Курнатовского, предполагаем, что не было словаря, на который ссылаются авторы названных выше трудов.

Ключевые слова: идиолект Курнатовского, криминальный жаргон.

Summary

The article discusses selected elements of the language of the crime stories, in particular the criminal jargon, penned by L. Kurnatowski, a criminologist and investigator active at the beginning of the 20th century. The subject was selected due to interest in the figure of the author and in a mystery linked to the existence of one of L. Kurnatowski's works, to which W. Ludwikowski and H. Walczak, the compilers of the *Thug Music* dictionary, and the jargon researcher W. Budziszewska refer. However, no data on that text and work is available. Having analysed L. Kurnatowski's works, it seems that there was no such work or dictionary that the aforesaid authors refer to.

Keywords: Kurnatowski's idiolect, criminal jargon.

Преступный жаргон¹ уже более века привлекает внимание ученых разных научных дисциплин. До сегодняшнего времени собран богатый фактический материал, произведено большое количество исследований, в связи с чем литература, касающаяся избранного нами объекта в качестве заглавного, очень богатая. Можно было бы утверждать, что польский и русский, а также жаргон иных языков уже достаточно полно изучен и не представляет особого интереса для лингвистов в настоящее время. Однако, как нам кажется, некоторые лакуны все-таки остаются. Одной из таких является историко-этимологическое описание жаргонно-разговорных единиц различных языков, и в том числе польских и русских. Данная проблема возникает из-за некоторых пробелов изучении источников, содержащих жаргонный материал. Одним из них являются криминально-детективные истории Людвика Курнатовского.

¹ Терминологический вопрос, касающийся использования и трактования понятий арго, жаргон, сленг, интержаргон, жаргонизированная разговорная речь и argot, żargon, gwara, slang, grypsera, język potoczny, socjolekt уже описывался не раз в русскоязычной и польскоязычной научной литературе (например, см. Б.А. Ларин, Д.С. Лихачев, В.В. Бондалетов, В.С. Елистратов, Л.И. Скворцов, М.А. Грачев, В.М. Мокиенко, В.В. Химик, В. Geremek, St. Kania, H. Ułaszyn, W. Budziszewska, St. Wiczorkiewicz, K. Stępniaк, K. Dejna, St. Grabias, J. Bartmiński и др.). Целью настоящей работы не является решение этого вопроса. Такие термины как арго и жаргон в отношении разновидностей языка криминального мира мы используем синонимично вслед за Б.А. Лариным, В.Б. Быковым, М.А. Грачевым, В.С. Елистратовым (Мокиенко, Никитина, 2000, 7). Говоря об использовании определений: преступный, уголовный, криминальный, воровской, лагерный, (речь/язык) преступников, уголовников, криминалистов, заключенных и подобные, перечисленные также М.А. Грачевым в работе *От Ваньки Каина до мафии* (Грачев, 2005, 15) – то также не соблюдаем строгого терминологического подхода к их разграничению, тем не менее принимаем классификацию, представленную В.В. Химиком в работе *Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен* (2000): «Язык криминального мира, или криминальный подъязык [...]. Во-первых, это скорее лексико-фразеологическая подсистема, специфический социально-групповой тезаурус, чем собственно язык, хотя это подсистема и поддерживается в реальном употреблении некоторыми интонационно-фонетическими особенностями и грамматическими предпочтениями традиционной речи уголовников. Во-вторых, внутренне такая подсистема распадается еще на ряд группировок, региональных и социально-«профессиональных» вариантов. Самая очевидная дифференциация криминального языка может быть представлена тремя разновидностями, тремя лексико-фразеологическими подсистемами, принятыми у криминалистов. Общеуголовный жаргон, которым пользуются профессионалы-уголовники, обычные преступники, а также лица тяготеющие к ним, и который выходит за пределы собственно криминальной среды, – так называемая блатная музыка, или байковский язык, феня, блат; Тюремно-лагерный жаргон, характерный для мест лишения свободы, – лексико-фразеологическая подсистема, отражающая идеологический инвентарь мест заключения; «профессиональные» жаргоны – дифференцированные лексические подсистемы в речи воров-карманников, фармазонщиков, медвежатников, домушников, карточных шулеров, валютных аферистов, автомобильных кидал и прочих «специалистов» (Химик, 2000, 19–20). Как сам исследователь указывает, что это разграничение очень условное, поскольку эти подсистемы тесно друг с другом взаимодействуют.

Литературные, публицистические произведения, исторические документы помогают жаргонологам узнать больше об уголовной субкультуре, субстандарте прошлых эпох. Именно такой подход используется в настоящее время, поскольку методика сбора «живого» материала недостаточно разработана (Грачев, 2005, 7). Без письменных источников не удалось бы установить и зафиксировать некоторые историко-этимологические факты. Например, польские исследователи – А. Брюкнер, Г. Улашин возводят появление жаргона к литературному произведению С.Ф. Кленовица *Flis* (XVII век), отдельные единицы старого польского воровского жаргона отмечены А. Брюкнером (1891) в *Scylurus*'е Яна Юрковского (1604); русский жаргон, по мнению М.А. Грачева, имеет многовековую историю (напр., речь волжских разбойников) утверждение ученого подкреплено исследованиями памятников письменности (Грачев, 2005, 27, 30). Очерки Л. Курнатовского не отсылают нас к столь далеким временам, поскольку описывают события конца XIX – начала XX века. К этому периоду ученые различных научных дисциплин обращались не раз, если объектом становился преступный мир. Наш выбор источника для анализа обуславливается следующими причинами: 1) фигурой его автора, 2) его неизученностью и малоизвестностью среди широкого круга читателей, 3) тематикой, затрагиваемой в нем, 4) некоторыми особенностями языка произведений, в особенности жаргонизмами, и наконец, 5) загадкой, касающейся словаря Л. Курнатовского, попытку разгадки которой мы предпримем при изучении его криминальных воспоминаний. Основной же целью является представить некоторые языковые особенности криминальных историй, написанных Л. Курнатовским, а также проанализировать использованные в них жаргонные единицы с точки зрения их распространенности в рассматриваемый нами период.

О Курнатовском (1867/1868?–1940) известно то, что занимал высокие посты в государственной полиции (например, в 1909 г. – исполняющий обязанности начальника варшавского следственного управления, 1910 г. – референт следственного управления), с началом I первой мировой войны из Варшавы он был переведен в С.-Петербург и назначен чиновником по специальным поручениям при министерстве внутренних дел, во время революции 1917 г. освобожден от занимаемой должности по декрету Керенского, в 1918 г. вернулся в Варшаву, получил звание старшего комиссара полиции и должность заместителя начальника следственного отделения в округе VI – столица Варшава вплоть до 1926 г., о чем свидетельствуют архивные данные Польской государственной полиции², из прессы узнаем и об иных фактах его жизни, например, о его намерении бежать в Италию через Швейцарию в опасении скандала быть замешанным в дело Даниэля Бахраха, осужденного за причастие к делу по подделке паспортов. Осуждали его также

² Электронный доступ к архиву на сайте – policjapanstwowa.pl

и за взятничество. В газете «Głos Polski» от 17 января 1928 г., издаваемой в Лодзи, читаем:

Wielce sensacyjny proces, który rozpoczął się wczoraj przed trybunałem sądu okręgowego, połączył nazwiska oskarżonych, a mianowicie: zastępcy naczelnika urzędu śledczego Mariana Ludwika Kurnatowskiego, podkomisarza Leonarda Dobieckiego, wywiadowców służby śledczej Władysława Marczaka i Władysława Rutkiewicza oraz starszego posterunkowego Feliksa Tyszyńskiego.

Wszyscy podsądni oskarżeni są o wymuszanie łapówek zarówno od osób przez kradzież poszkodowanych, jak i samych złodziejów³.

Его вина не была доказана. Далее известно лишь то, что он собирался изложить в дневнике факты своей жизни, этот его замысел не был осуществлен. Однако, вероятно, другой проект был реализован. Предполагаем, что Л. Курнатовский совместно с Сонненбергом (инспектором в следственном управлении) издали в Варшаве в 1923 г. пособие под названием *Śłużba śledcza. Podręcznik dla użytku policji państwowej* для будущих полицейских, в котором на страницах 95–101 находим немало воровских арготизмов и их объяснения: *koniki* ‘мальчики до 10 лет’⁴, *ojcowie* ‘старые воры или перекупщики краденого, отбирающие все украденное взамен за крышу над головой’, *piechociarz* (*piechota* ‘домашняя птица’) ‘мальчики до 10 лет, занимающиеся кражей птицы’, *potokarze* (*potok* ‘телега’) ‘воры, работающие в одиночку и только на себя. Они крадут с телег товар, перекладывая его на свой транспорт’, *szopenfeldziarz* ‘магазинный вор’, *klawisznik* (*klawisz* ‘отмычка’) ‘взломщик’, *szczur* ‘гостиничный вор’, *pajęciarz* (*pajęczyna* ‘белье’) ‘вор, крадущий белье с чердаков’, *praca* ‘преступление’, *doliniarz* (*dolina* ‘карман’) ‘вор-карманник’.

Из иных его произведений нам известен ряд криминальных историй, опубликованных в конце 20-х – начале 30-х годов XX в. Переизданы они были в 2017–2018 годах в издательстве СМ в серии *Kryminały przedwojennej Warszawy*. Это следующие истории: *Tajemnica Belwederu* (1904⁵ г., повествование о загадочной краже в Бельведере), *Szpilka z trupią główką* (1914 г., о преступной шайке, которая совершала кражи, усыпляя своих жертв), *Salonowy bandyta* (год?, история об ухажере-мошеннике), *Krwawa nić życia i zbrodni Wiktora Zielińskiego* (1920–1923 г., о жестоких бандитских расправах), *Upiór w pasiece, Zagadkowi milionerzy* (1908 г., история двух преступников из России), *Dzieje grzechu Kraussa* (1908–1926 г., рассказ о том, как рождаются и становятся ворами), *Sprawa Mincosów* (ок. 1890 г., история о любви,

³ Электронный доступ к архиву на сайте – policjapanstwowo.pl

⁴ Значение единиц приводим по-русски в переводе с польского. Перевод мой – Е.Н.-К.

⁵ Цифры в скобках при названиях произведений указывают на годы ведения следствия уголовных дел.

культуре, традициях и политике на примере описания любовной истории еврейки и черкеса), *Sprawa o mord rytualny* (1916 г., история, действие которой происходит в селе Новоселье, рассказывает о любовной трагедии, убийстве ребенка и ложном обвинении), *Od 1908 do dzisiaj* (1905–1910 гг., рассказ о криминальной ситуации в начале XX века), *Samochodowa banda Klaka, Banda rybaka vel Pietrzaka* (1921 г. история разоблачения, поимки опасных банд, действующих в разных местностях на всей территории Польши), *Oblęd złota* (1921 г., описание дела, известного под названием «Дело Берлинберга», о подделке и торговле фальшивыми документами, убийстве), *Branka cyganów* (1921–1923 гг., о похищении польской девочки цыганами и ее поисках), *Szach Ali Kuli Mirza* (1909–1917 гг., о расследовании крупных ограблениях банков), *Szczury hotelowe (Kradzież w warszawskim Bristolu)* (1909 г., об ограблениях, совершаемых в отеле), *Krwawa noc w Skolimowie* (1921 г., история жестокого убийства).

Истории-очерки наполнены фактическим материалом о людях, в том числе самом авторе. В них также описываются события, имевшие место в начале XX века. Действия происходят на территории Польши, России, Украины, Румынии. Героями, которые упоминаются в очерках-рассказах, являются поляки, русские или украинцы, евреи, немцы, цыгане. В описаниях и диалогах для более точной передачи атмосферы, для убедительности, правдивости характеристики Л. Курнатовский использует лексические единицы из других языков: еврейские (*Halt de pisk!*; *O miszigene! Szlag zol troffen te miszigene!*), немецкие (*Wus ist mit ihm?*; *gänsehändler*), английское (*sleeping*). Особо выделяются в текстах произведений русские слова и выражения. Этих вставок больше всего, поскольку Л. Курнатовскому по долгу службы приходилось общаться на русском языке, занимаясь расследованием дел на территориях за восточной границей Польши. Язык он знал хорошо, о чем можем судить даже по тому факту, что он мог оценить, как говорит собеседник. В историях-очерках *Szach Ali Murza*, описывая встречу с подозреваемым, Л. Курнатовский пишет: «Jakąż to urzędową sprawę może mieć do mnie urząd śledczy – zagadnął wyborną ruszczyzną» (Kurnatowski, 2018, 16). Кроме того, следственное управление, в котором автор служил, находилось в Варшаве, а варшавское просторечие изобилует русскоязычными элементами (Wieczorkiewicz, 1966, 36–39). Естественным приемом для передачи колорита времени и места действия было введение русизмов в текст историй.

Русскоязычные элементы приводятся в транскрипции с элементами транслитерации, встречаются и кальки. Передача формы русских слов в текстах достаточно условна и приблизительна, а правила замены звуков используются автором произвольно, напр., *cara-batiuszkę – batuszka – miateżnikami, muzyków – bobożiś, golubezik – piewczyj* и др. Также свободно автор подходит к грамматической адаптации русских слов, напр., *cara-batiuszkę* (В.п. сущ. 1 скл. *царь-батюшка*) – *grać w wośmiorku* (В.п. сущ. 1 скл. *восьмёр-*

ka), *żydowska ja róża* (Зв.п. сущ. 1 скл. ж.р. *жидовская рожа*) – *potaskucho* (Зв.п. сущ. 1 скл. ж.р. *потаскуха*), *Ludwiku Antonowiczu* (Зв.п. сущ. 2 скл.) – *Ludwik Antonowicz* (Зв.п. сущ. 2 скл.). В качестве примеров калек можно привести: *krzyżuk na tym położyć* (*положить крест на чем-л., ком-л.* ‘потерять веру в кого-л.’), *niet zła bez dobra* (*нет худа без добра* ‘мелкие неприятности могут обернуться чем-л. хорошим’), *będzie święto i na mojej ulicy* (*будет и на моей улице праздник* ‘и мне когда-нибудь повезет’); *tryńtrawa* (*трын-трава* ‘все нипочем, все пустяки’); *wyższe koła* (*высшие круги* ‘люди, занимающие высокое положение в обществе’). Лексико-семантическая и стилистическая характеристика описываемых единиц включает в себя, главным образом: названия лиц и обращение к ним (напр., *gołubcik* (*голубчик* ‘похвала с ласково-фамильярная форма обращения к мужчине (напр., подчиненному)’), *wasze wysokobłagorodje* (*ваше высокоблагородие* ‘обращение к лицам, имевших чин с 6 по 8 класс’) и в трансформации *jaśnie błagorodje* (пол. *Jaśnie Panie* ‘официальное обращение в Польше к лицу дворянского происхождения’ + русск. *ваше благородие* ‘обращение в дореволюционной России к дворянам без титула, баронам’), *isprawnik* (*исправник* ‘в России до 1917 года начальник уездной полиции’), *urządnik* (*урядник* ‘в России до 1917 г. нижний чин уездной полиции’), *czuownik* (*чиновник* ‘государственный служащий; должностное лицо, которое формально выполняет свою работу’ (у Л. Курнатовского с презрительным оттенком – ср. русск. *чиновничихо*), *grażdanie* (*граждане* ‘официальная’); *razwodiaszczyj* (*разводящий* ‘военнослужащий, расставляющий часовых на посты’); названия исторических, национально-культурных реалий, событий *czarna sotnia* (*черносотенцы* ‘в России в 1905–1917 гг. название представителей крайне правых сил’); *czerezwyczajka* (*чрезвычайка* ‘разг. Всероссийская чрезвычайная комиссия, созданная при Совете народных комиссаров РСФСР для борьбы с саботажем и контрреволюцией’); *kontrrewolucja* (*контрреволюция* ‘возмущение, движение против нового порядка’); *Sowiet Soldackich Raboczich i Krestianskich Dieputatow* (*Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов* ‘органы народной власти в России после 1917 г.’); *róltinnik* (*полтинник* ‘полрубля’); *rubliszki przy „sobie”* (*рублишки при себе*); *kosoworotka* (*косоворотка* ‘мужская рубашка с косым воротом’) и др. Особый колорит создают в произведениях не только отдельные слова, но целые фразы (этикетные формулы общения, разговорные и просторечные единицы), произнесенные героями по-русски: *Winowaty wasze wysokobłagorodje, soblaźniliś!* (Виноваты, ваше высокоблагородие, соблазнились); *Tak toczno wasze wysokobłagorodje* (Так точно, ваше высокоблагородие!); *Wot tak sztuka!* (Вот так штука!); *Nikak niet, wasze wysokobłagorodje* (Никак нет, ваше высокоблагородие); *Nu i sławno* (Ну и славно); *Nu wot* (Ну вот); *Nu ładno, ładno!* (Ну ладно, ладно!); *Wot ono czto!* (Вот оно что!), *Ubieritje won etu damu, ona sowsiem pjana* (Уберите вон эту даму, она совсем пьяна); *potaskucha* (*потаскуха* ‘прост. женщина легкого по-

ведения'). Из других заимствований из русского языка являются жаргонизмы: как, например, *artysty* (*артисты* 'угол. опытные мошенники, аферисты, шулеры'), для которых *kryszka* (*крышка* 'угол. 1. восклицание, означающее «умер», 2. восклицание, означающее «все, конец»' (Грачев, 2003, 457); *grać w „wośmiorku”* (*играть в восьмерку* 'играть в вариант карточной игры баккарат (*chemin de fer*')), [*grać*] w „*czet – nie czet*” (*чет-нечет* 'карточная игра, также пасьянс').

Именно последние являются неотъемлемым элементом языка произведений Л. Курнатовского, правда, не только те, которые перешли из русского языка. Польский криминальный подъязык в конце XIX – начале XX века изобилует заимствованиями и кальками из немецкого, французского, русского языков и идиш. Это результат преступных контактов, так называемых 'гастролей', обмена тайнами 'ремесла'. С. Милевский в книге *Szemrane towarzystwo niegdysiejszej Warszawy* пишет:

Zapożyczenia rosyjskie są oczywiste, bo Warszawa była przecież jednym z wielu miast Cesarstwa i złodzieje swobodnie przemieszczali się między nimi; na „gastrole”, czyli gościnne występy, przyjeżdżało ich ponoć wielu nie tylko z Petersburga i Moskwy, ale i z Odessy? Zwłaszcza Żydzi. Poznawali też język „woriugów? W więzieniach etapowych czy na samej katordze. Złodzieje za nic też mieli kordony i jeździli na „robotę” do Krakowa i Lwowa, gdzie poznawali tajniki i język szkoły lwowskiej”, z którą potem jeszcze bardziej intensywnie „szkoła warszawska” wymieniała doświadczenia i rywalizowała w okresie międzywojnia (Milewski, 2009, 217).

Эту ситуацию при помощи вставки в текст произведения жаргонных единиц попытался отразить Л. Курнатовский. Без них описание ситуаций и стилизация речи героев была бы необъективной. С другой стороны, Л. Курнатовский мог так же, как и Русецкий, автор романа *Male tajemnice Warszawy* (Ułaszyn, 2009, 48), предупреждать читателя перед людьми, которые используют такую лексику. И с третьей, криминалист писал воспоминания для широкой публики, а не пособие-учебник для тайного использования служащими органами полиции. Количество отмеченных субстандартных единиц в рассматриваемых историях невелико – ок. 100 единиц, причем основная часть выбрана нами из произведений: *Dzieje grzechu Kraussa, Krwawa nić życia i zbrodni Wiktora Zielińskiego, Banda rybaka vel Pietrzaka*. Их герои – это воры, бандиты, которые действуют напролом, не используют изысканных ходов, не боятся себя *сдать, ботая по фене* ('попасться в руки полиции', 'говоря на жаргоне'), в отличие от преступников, вращающихся в высших кругах и опасующихся себя выдать любым неправильным движением, словом (герои историй *Szach Ali Kuli Mirza, Oblęd złota, Szpilka z trupią główką*). Жаргонизмы единичны также в рассказах, в которых основное внимание сосредоточено не на преступном элементе. То есть тематика рассказа и описание подсказывает автору соответствующий подбор языковых средств и способ их оформления.

Итак, жаргонизмы в тексте приводятся следующим образом: 1. слово и выражение (в кавычках или без них) с объяснением в скобках (например, *ajnbruchowiec (włamywacz)* ‘взломщик’ /от нем. *ejnbruch* ‘кража со взломом’/, *binia (kochanka)* ‘любовница’ /из львовского воровского аргю 1857 г. (босняцкий говор) *binia* ‘дівчина’ (Горбач, 2006, 20, 25) /, „*chodź na pajęczynę*” (*kraść bieliznę*) ‘давай пойдем украсть белье с чердака’ /польское воровское аргю XVIII в. – *pajęczyna* ‘белье’), *raki, szabry i inne gnaty (narzędzia złodziejskie)* ‘названия орудий для совершения преступления’ (Ludwikowski, Walczak, 1922, 61, 67) *rak* ‘приспособление для взламывания сейфов’; *szaber* – из идиш *shaber* ‘лом’/; *faraony (policja)* ‘полиция’ /*faraon* – из жаргона петербургских мазуриков XVIII в. ‘солдат’/, *gliny (policja)* ‘полиция’ /из польского жаргона XIX в. (Estreicher; Wieczorkiewicz) ‘полицейский’/, *gryps (list)* ‘письмо, сообщение, отправленное заключенным из тюрьмы’ /от немецкого *grippen* ‘поймать, схватить’/, *indyk (złodziej początkujący)* ‘начинающий вор’ /из варшавского просторечия ‘маленький мальчик’, *knajano (chodź)* ‘иди сюда’ /из львовского диалекта *knajać* ‘бежать, ехать, лазить’/, *kusz (interes)* ‘преступное дело’ /от французского *couche* ‘крупный выигрыш’/, *luj (sutener)* ‘сутенер’ /эвфемизм от вулгаризма *s...uj*/, *machać (robić)* ‘совершать преступление’, *topson (sędzia śledczy)* ‘судья, ведущий следствие’ /из русского воровского аргю *монс* ‘усыплять жертву’/, *pilietówka (dziewczyna uliczna)* ‘проститутка’ /фиксируется только Курнатовским/, *poflandrować (pożartować)* ‘пошутить’ /от немецкого *fladren* ‘рисовать’/, *szparagi (zyski)* ‘прибыль’ /от немецкого выражения *Geld sparen* ‘экономить деньги’/, *szczeniak (chłopiec)* ‘мальчик’ /анималистическая метафора/, *stary fachowiec (stary złodziej)* ‘опытный старый вор’ /метафорический перенос, связанный с жаргонным *robota* ‘преступление’/, 2. слово и выражение без кавычек и без объяснения (в том числе корректора-издателя), но (2.a) значение которого уже было ранее объяснено или (2.b) должно, по мнению автора, вытекать из контекста его употребления (например, *blaty* ‘деньги’, *buchnięcie* ‘кража’, *dintojra* ‘суд, кровавая расправа в преступной среде’, *flankierować* ‘бродяжничать’, *frajer* ‘неопытный преступник’, *forsa* ‘деньги’, *interes* ‘преступление’ /калька русского преступного жаргона *дело* ‘преступление’/, *karowanie* ‘доносительство’, *gryps* ‘письмо, весточка’, *kapuś* ‘доносчик’ /из нем. /, *melina złodziejska* ‘место проживания или сборов преступного элемента’, *opiekun* ‘сутенер’, *pajęczarstwo* ‘кража белья с чердака’, *psu* ‘полиция’, *pracować* ‘совершать преступление’, *robota* ‘кража, а также любое преступление’, *rycerz wytrycha* ‘вор’, *salon* ‘публичный дом’, *wyleźć z ciupy* ‘выйти из тюрьмы’, *zdzira* ‘проститутка’, *zakropienie* ‘сдача подельника полиции; убийство’, *żaba* ‘инструмент для взлома’ и др. Известно, что уже в 1778 году *Gazeta Warszawska* „podała dla wiadomości każdego” mały słowniczek terminów, które złodzieje „dla utajnienia swych zamysłów uformowali” (Milewski, 2009, 221), в котором находим такие единицы, как:

obmieść pajęczynę, forsa, kapować, blatować. Интересно, что *blat* у Л. Курнатовского имеет иное значение, а именно: ‘деньги’, чем то, которое зачастую приводится в словарях: например, у А. Курки *blat (blatnik)* ‘укрыватель краденого’, *blat być blat zan.* ‘согласиться на что-л. или хранить тайну’, *blatka* ‘женщина, приобретающая украденные вещи’, *blatny* ‘хранящий тайну’ (Kurka, 1907, 6). Однако, в словаре В.Ф. Трахтенберга читаем, что *blat* происходит от немецкого *Blatt – лист* [...] (Трахтенберг, 2002, 4). Автор использует вышеуказанные приемы обозначения и объяснения единиц непоследовательно. Возможно, Л. Курнатовский при выборе определенного способа подачи руководствовался своим языковым чутьем. Он понимал, что многие жаргонные единицы вышли из рамок употребления исключительно в узкой преступно-воровской среде и их значение понятно читателю без дополнительных пояснений. Кроме того, к моменту появления его историй (30-е гг. XX века) уже были изданы пособия, учебники, словари, сборники, словники преступного жаргона, например, Э. Эстрайхера, А. Курки, В. Людвиковского и Г. Вальчака. По сведениям последних, Л. Курнатовский также является автором жаргонного словаря.

W naszej literaturze kryminalnej posiadamy dotychczas zaledwie kilka prób zebrania w jedną całość słów używanych przez przestępców, a mianowicie słownik Profesora Dra Estreichera, słownik A. Kurki, L. Kurnatowskiego [...].

Zbiory (słowniki) trzech wyżej wymienionych autorów, zwłaszcza zaś dwóch ostatnich, noszą charakter prac dzielnicowych, bo zawierają materiał zebrany na granicach austriackiego lub tylko rosyjskiego zaboru. [...].

Największą wartość ze wszystkich zbiorów przedstawiają dla nas zbiory Kurki i Kurnatowskiego, które chociaż co do ilości słów nie dorównują zbiorowi K. Estreichera, to przecież z uwagi na to, iż pod względem kryminalnym dają nam materiał pewniejszy i rzeczowy, zasługują na specjalną wzmiankę i uwzględnienie. (Ludwikowski, Walczak, III, 1922).

В. Будзишевская также пишет в монографии *Żargon ochwieśnicki* о словаре Курнатовского (Budziszewska, 1957, 10). Однако иные исследователи преступно-криминального жаргона, например, К. Эстрайхер, Г. Улашин, В. Стемпняк, Ст. Каня, О. Горбач умалчивают о данном факте. Никаких библиографических данных о данной работе нами найдено не было. Можем, лишь на основании сносок в словаре *Żargon mowy przestępców*. „*Blatna muzyka*”. *Ogólny zbiór słów gwary złodziejskiej* восстановить часть его лексикографического труда. В словарь входили следующие единицы:

amba, arab, arkan, bekas, brodę przyszyć, centować, czerwony walet, czubarik, deska, dom zajezdny, droga, drzeć gardło, dzieliworek, dzwonek, fajgel, faraon, fascyt, handlowiec, hipieś, jesiotry, język, kadryl, kajlem, kapele, kapuśniak, kicz, kluj, koronkowy robotnik, kotka, krala, krupa, lekcję dawać, lignać, luj, łokieć, łyko, macać nogi, magiel, majster, maks, malinka, marwicher, matka, mazurik, metropolita, miotła, miroszka, młyn, młynarz, na cynku strać, na blat opędzić, najmi morda, na pochód, na ślepo, na sygnały, na wytysz chodzić, notka, obręcz,

odtyryć, okulary, okulary ciemne, pajak, parawan, przyć się, pasażer, piekarnia, pielietówka, podchiryć, poduszka, pójść w drogę, pont, pudełko, ślepy, służba, śmietnik, śpiew, szkiełka, szmelc, szpana, sztychiel, sztymp, szucher, szufladka, szufladkarz, telefon, telegrafista, towar, towar rudy, trąbę zrobić, trzy karty, ugryść, walet, wydrę zrobić, wyśpiewać, wyzdrowieć, wziąć na bugaj, wziąć na paczki, wziąć na pudełko, wziąć na zakonnika, zachorować, zborniak, zecować ling, zeks, żaba (Ludwikowski, Walczak, 1922, 10–79).

Сопоставляя все жаргонные слова и выражения, выбранные из историй-очерков Л. Курнатовского, с представленными, прежде всего, в лексикографических материалах, изданных до XX века или в самом его начале, можно утверждать, что криминальные истории Л. Курнатовского отражают состояние польского криминального жаргона в 30-е годы прошлого столетия, а также могут служить дополнительным материалом для уточнения дефиниции и этимологической трактовки некоторых лексико-фразеологических единиц в словарях субстандарта. Кроме этого, анализ рассказов не подтвердил наше предположение, что словарь Л. Курнатовского, упомянутый В. Людвиковским и Г. Вальчаком (и данные о котором так и остаются загадкой) был составлен на базе созданных им очерков. Совпадают лишь *faraon* ‘служащий полиции’, *luj* ‘сутенер’, *pilietówka* ‘проститутка’, *malinka* ‘наркотик, с помощью которого можно усыпить жертву кражи’, *żaba* ‘инструмент для взламывания дверей’. Для заполнения этой лакуны необходимо дальнейшее изучение архивных материалов, что, в свою очередь, позволит создать более точное представление о криминальном жаргоне начала XX века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Горбач, О. (2006). *Арго в Україні*. Львів.
- Грачев, М.А. (2003). *Словарь тысячелетнего русского арга*. Москва.
- Грачев, М.А. (2005). *От Ваньки Каина до мафии. Прошлое и настоящее уголовного жаргона*. Санкт-Петербург.
- Грачев, М.А., Мокиенко, В.М. (2008). *Русский жаргон: Историко-этимологический словарь*. Москва.
- Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. (2000). *Большой словарь русского жаргона*. Санкт-Петербург.
- Трахтенберг, В.Ф. (1908). *Блатная музыка. («Жаргон тюрьмы»)*. Под редакцией и с предисловием профессора И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Санкт-Петербург.
- Химик, В.В. (2000). *Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен*. Санкт-Петербург.
- Budziszewska, W. (1957). *Żargon ochwieśnicki*. Łódź.
- Estreicher, K. (1903). *Szwargot więzienny*. Kraków.
- Kurka, A. (1907). *Słownik mowy złodziejskiej*. Lwów.
- Kurnatowski, L. (2014). *Tajemnica Belwederu*. Warszawa.
- Kurnatowski, L. (2015). *Zagadkowi milionerzy*. Warszawa.
- Kurnatowski, L. (2016). *Samochodowa banda Klaka*. Warszawa.

- Kurnatowski, L. (2018). *Szczury hotelowe*. Warszawa.
- Ludwikowski, W., Walczak, H. (1922). *Żargon mowy przestępców. „Blatna muzyka”*. *Ogólny zbiór słów gwary złodziejskiej*. Warszawa.
- Milewski, W. (2009). *Szemrane towarzystwo niegdysiejszej Warszawy*. Warszawa.
- Stępiak, K. (1993). *Słownik tajemnych gwar przestępczych*. Warszawa.
- Ułaszyn, H. (1951). *Język złodziejski. La langue des voleur*. Łódź.
- Ułaszyn, H. (2009). *Studia onomastyczne i socjolingwistyczne*. Poznań.
- Wieczorkiewicz, B. (1966). *Gwara warszawska XIX wieku*. Warszawa.

- Grachev, M.A. (2003). *Slovar' tysyacheletnego russkogo argo*. Moscow.
- Grachev, M.A. (2005). *Ot Van'ki Kaina do mafii. Proshloe i nastoyashchee ugolovnego zhargona*. St. Petersburg.
- Grachev, M.A., Mokienko, V.M. (2008). *Russkii zhargon: Istoriko-etimologicheskii slovar'*. Moscow.
- Horbach, O. (2006). *Arho v Ukraïni*. Lviv.
- Khimik, V.V. (2000). *Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyi fenomen*. St. Petersburg.
- Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (2000). *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona*. St. Petersburg.
- Trakhtenberg, V.F. (1908). *Blatnaya muzyka. («Zhargon tyur'my»)*. *Pod redaktsiei i s predisloviem profesora I.A. Boduena-de-Kurtene*. St. Petersburg.